Bill 560

ГЕРОИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

ИВАН КАРХУ

СССР

ОИК
ГЕРОИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
Фронт. б-ка

ИВАН КАРХУ

В III 560

Ф. ТРОФИМОВ

ИВАН КАРХУ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
КАРЕЛО-ФИНСКОЙ ССР
1943

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
784845

Многоводная Кемь таит в себе могучую силу. За лето она легко и свободно приносит к Белому морю миллионы бревен. Сплав по Кеми стремителен. Лес как бы рвется к Беломорью. Он идет густо, с шумом. Лес «валит валом», и сплавщикам зевать некогда.

На Кеми много порогов. В них собирается иногда сразу по несколько десятков тысяч бревен, и тогда образуются огромные косы высотой с трехэтажное здание. Надо немедленно разбирать такие косы, чтобы дать дорогу напирающему сзади лесу.

Сплавщики с баграми и аньшпугами взбираются на заломы, в хаосе сгрудившихся, лежащих друг на друге, стоящих бревен находят ключевые бревна и либо вытаскивают их, либо, если вытащить нельзя, расшатывают. Чем ближе подбираются сплавщики к основанию залома, тем чаще он начинает вздрагивать и в конце-концов наступает та-

кой момент, когда вся огромная масса леса с грохотом неудержимо устремляется вниз по течению. Весь лес приходит в движение. Незаурядным хладнокровием и большим проворством должны обладать сплавщики, чтобы не растеряться в решительный момент и успеть во-время выскочить на берег.

Кто может разобрать кемские косы, тот все может делать на сплаве. Кемский сплавщик — рабочий высокой квалификации. И уж если на Кемском лесосплаве человек получил нулевую, высшую категорию, то это значит, что он отличный мастер сплавного дела. Нулевая категория дается нелегко. Ее удостаиваются только опытнейшие сплавщики.

Правда, бывают исключения, редко, но бывают. Таким случаем из ряда вон выходящим, было, например, то, что Ивану Карху дали нулевую категорию тогда, когда ему шел всего лишь семнадцатый год. В такую пору не грех еще и кашу варить для сплавщиков, а Карху был уже общепризнанным мастером самой высокой квалификации. Этот большой авторитет Иван Карху завоевал в первое же лето работы на Кемском сплаве. Весной юношу, пришедшего сюда с берестовым кошелем за плечами из далекой деревни Ладвозеро, зачислили на работу сплавщиком самой низкой категории и многого не требо-

вали с него. Он занимался тем же, чем занимались все остальные первокатегорники: отталкивал баграми прибившиеся к берегу бревна. Скоро Иван стал собирать лес по заводям, раз'езжая по ним на одном бревне. Потом начал выходить на заломы. Несколько раз выпрыгнул на берег последним и это означало, что именно он находил главное ключевое бревно. На Карху обратили внимание. Опытнейшие сплавщики не могли налюбоваться спорой работой юноши. Он всех поражал своей находчивостью, смелостью, умением так твердо стоять на бревне, как не мог стоять ни один другой сплавщик, хотя на Кемском сплаве никогда не было недостатка в удивительных виртуозах.

Есть у сплавщиков такая интересная игра: два человека встают на противоположные концы бревна и всеми способами стараются свалить друг друга в воду. Против Ивана Карху в этой игре никто устоять не мог: тонкий высокий юноша словно прирастал к бревну.

О молодом сплавщике Карху, «еще мальчишке, но толковом работнике», заговорили на всем Кемском сплаве после того, как он на одном бревне опустился в порог, в который таким опасным способом никто до него не опускался. Произошло это так. Бригада сплавщиков, в которой находил-

ся и Иван Карху, отдыхала на берегу реки. Неподалеку однотонно шумел порог. Лес, приближаясь к нему, резко ускорял ход, а затем подхватывался бурным течением и в мгновение ока скрывался из вида. Порог окунал бревна в воду, ударял их о камни, друг о друга и выбрасывал на поверхность в широком, всегда неподвижном плесе. Лес шел хорошо, без задержек, и сплавщики спокойно наслаждались коротким отдыхом в прохладном сосновом бору. Но вот шум порога усилился, чаще и сильней застучали сталкивающиеся друг с другом бревна. Сплавщики поняли, что начинается залом. Все они вскочили на ноги и с баграми на плечах побежали к реке: надо было предотвратить залом, который мог задержать весь сплав. Первым к берегу подбежал Иван Карху. Он подтянул багром толстое сосновое бревно и, вскочив на него, быстро двинулся к порогу. Там скопилось уже несколько десятков застрявших бревен. О них с силой ударилось бревно, на котором стоял Карху. Резкий толчок чуть было не сбил сплавщика с ног, но он устоял и быстро перебежал на начинающийся залом. Опытный глаз сплавщика сразу определил первопричину его. Лес задерживался потому, что длинное еловое бревно, застряв на подводном камне,

встало поперек течения. Карху ловко подцепил это бревно багром и стал его расшатывать. Лес щетками откалывался от залома и уходил в порог. Когда один конец ключевого бревна освободился, смелый сплавщик повернул его вдоль по течению, и тут произошло то, что рано или поздно неизбежно должно было произойти: весь залом с грохотом ринулся в порог. Карху оказался на шестиметровом пиловочнике, который вместе со всеми бревнами стремительно несся вниз по течению. Сплавщика с ног до головы обдавало брызгами. В одном месте вода захлестнула его выше колен. Порог бросал тяжелое многопудовое бревно, как щепку. Но Карху твердо стоял на нем и с облегчением вздохнул, когда шум порога остался позади. В тихом плесе он без особого труда причалил к берегу.

Вот после этого молодой сплавщик и был удостоен почетной нулевой категории. И пошла с тех пор добрая слава о пареньке из деревни Ладвозеро, затерявшейся в безбрежных карельских лесах.

И ничем не запятнал Иван Карху эту добрую славу, а лишь приумножил ее многими хорошими делами. Он был первым секретарем ладвозерской комсомольской ячейки. Редактировал первую стенную газету. До-

бился открытия в деревне избы читальни. Ставил на маленькой деревенской сцене спектакли. Писал плакаты и лозунги. В то время Иван Карху много еще не понимал сам, но он всем нутром чувствовал, что именно советская власть осуществит вековые мечты карельского народа о чудодейственной Сампо, которую так красочно и тепло воспели прадеды Ивана — знаменитые ладвозерские знатоки рун Калевалы.

Иван Карху был мастером на все руки. Он быстро пахал каменистую карельскую землю, косил так, что люди завидовали, споро рубил и возил лес, удачно ловил рыбу, охотился. Был напористым и неутомимым в делах. Являл собой образец достойного питомца сурового севера, который не балует человека. Пусть бушевала вьюга, пусть свирепствовал безудержный ветер, вырывающий с корнем столетние сосны, но если надо было, Иван Карху вставал на лыжи и сквозь снег, навстречу буре, шел туда, куда следовало, за 50, за 100, за 200 километров.

В 1929 году Карху был призван в ряды Красной Армии. С любовью взялся он за изучение военного дела, был примерным бойцом и вскоре стал командиром отделения.

На втором году службы Карху выдвинулся в число виднейших лыжников Красной

Армии. На всеармейских лыжных соревнованиях 1930 года он занял первое место. Армия еще более закалила и многому научила расторопного и смышленного парня из далского Ладвозера. Он вернулся в родные места зрелым человеком. Вступил в партию большевиков.

Труд многих последующих лет, незаметный, но большой труд рядового и замечательного человека Ивана Карху был частицей гигантских усилий всех советских людей по строительству новой жизни. Он страстно и горячо трудился на лесозаготовках, на сплаве, в колхозе, на посту председателя сельсовета, в райкоме комсомола, где одно время был инструктором. А осенью 1939 года, когда на западе, за зеленым морем ухтинских лесов зашумела война, Карху добровольцем вступил в Красную Армию, перед которой Родина поставила боевую задачу: обуздать потерявшую голову, обнаглевшую финскую белогвардейщину. Карху стал бойцом лыжного отряда. Подвижной этот отряд быстро совершал многокилометровые переходы и внезапно обрушивался на врага. В одном из боев, который отличался исключительным ожесточением, в самый критический момент, когда надо было двигаться вперед во что бы то ни стало, белофинны дополнительно ввели в

действие два станковых пулемета. Они сковали действия красных лыжников. Надо было уничтожить пулеметы. Сделать это вызвались Иван Карху и его товарищ по отделению лыжник из Архангельска. Сунув за пояс гранаты, смельчаки направились в сторону врага. Белофинны почти непрерывно вели густой огонь, и можно было двигаться только ползком, разгребая снег, пробивая в нем узкую извилистую траншею.

Карху и его товарищ выполняли эту нечеловеческую тяжелую работу по очереди. То и дело раздавался зловещий посвист пуль. Над головой витала смерть. Но лыжники продолжали ползти. Приблизительно на полпути отважный архангелец был насмерть сражен пулей. Карху подполз к нему, крепко пожал еще горячую руку друга и пополз дальше. Он незаметно подобрался почти вплотную к пулемету и, привстав на колени, бросил одну за другой три гранаты. Пулемет замолк. Лыжники усилили напор на белофиннов, и тем уже было не до пулемета, который внезапно смолк.

Воспользовавшись этим, Карху достиг огневой позиции и, отодвинув убитого финского пулеметчика, повернул пулемет в сторону цепей белофиннов, чтобы открыть по ним огонь. Но пулемет не работал, — он был со-

вершенно искалечен — гранаты сделали свое дело. Неподалеку от себя Карху заметил три пары лыж, на которых пришел сюда пулеметный расчет. Немедленно явилось решение: встать на лыжи и обойти с юга высоту, занимаемую противником, подобраться с тыла ко второму вражескому пулемету, который не умолкал ни на минуту, и уничтожить его.

Карху был одет в маскировочный халат. В таких же халатах были и белофинны.

— Они примут меня за своего, — решил Карху, подбираясь к пулемету, который был скрыт в густой заросли молодого, заснеженного ельника. Один из белофиннов, находившихся у пулемета, заметил приближавшегося к нему лыжника на значительном расстоянии и крикнул:

— Кто?

Карху, не замедляя хода, ответил:

— Свой.

Белофинн опустил винтовку, но все же продолжал пристально присматриваться к высокой фигуре легко скользящего по снегу лыжника.

— Надо, чтобы этот белофинн ушел, иначе он может испортить дело, — мелькнуло в голове Карху, и он властно скомандовал:

— К пулемету!

Белофинн скрылся в ельнике. Карху уско-

рил ход и, когда метрах в двадцати-двадцати-пяти увидел белофиннов, копошащихся около пулемета, метнул в них три оставшихся гранаты. Три взрыва.

Воздушные волны подняли непроницаемую тучу снега. Когда туча эта рассеялась, глазам Карху представилась следующая картина: несколько мертвых белофиннов лежали на снегу, а опрокинувшийся пулемет был наполовину зарыт в сугроб.

— Он больше не будет стрелять, — улыбнулся Карху и быстро пошел навстречу своим товарищам.

За этот смелый подвиг Советское правительство отметило Ивана Матвеевича Карху высокой боевой наградой — орденом Красного Знамени.

Он был любознательным от природы человеком, хотел и стремился знать как можно больше и когда, после войны с белофиннами, ему предложили поехать на курсы в Петрозаводск, он с радостью принял это предложение.

22 июня 1941 года — в день начала Великой Отечественной войны, — курсант Карху готовился к зачетам. Он сидел у себя в комнате, обложившись книгами и с увлечением работал. День был солнечный, теплый. В распахнутые настежь окна доносился разноголо-

сый шум улицы, вливалась красивая плавная музыка, передаваемая по радио. Но вот она внезапно стихла. Карху решил, что вышел из строя уличный репродуктор, однако тот вскоре заработал вновь.

— У микрофона товарищ Молотов, — об'явил диктор. Карху быстро включил комнатное радио.

...Гитлеровская Германия подло, по-разбойничьи напала на нашу Родину. Бронированные фашистские орды поползли на восток. Немецкие самолеты бомбардировали города. Есть жертвы среди гражданского населения. Наша территория была обстреляна артиллерией с румынской и финской стороны.

Карху сидел, прислонившись ухом к репродуктору, хотя слышимость была отличная, и с жадностью ловил каждое слово.

—Большая война началась, — думал он,— такая война, каких еще не бывало. Ну, что ж, скрестим клинки с фашистами.

На другой день вечером Карху сидел в переполненном вагоне идущего на север поезда, а еще несколько дней спустя он управлял лодкой, пересекающей вечно бурное Куйтозеро. Кормчий держал курс на запад. В лодке сидели несколько мужчин и две женщины: Под ногами у них лежали покрытые брезентом винтовки. Это первая партизанская груп-

па в республике выходила на первую боевую операцию.

Стояла жаркая погода. Июльское солнце пробивало даже непроницаемую густоту еловых крон и, разгоняя полумрак всегда сырых корб, высушивало все — бурелом, опавшие ветви, кусты черничника, мох. На западе горели леса. В лощинах, над болотами и ламбами, в долинах рек застыли синеватые волны дыма. Пахло гарью. Люди с котомками за плечами, с винтовками и гранатами шли навстречу лесным пожарам, туда, откуда, стреляя из пушек, треща пулеметами и автоматами, нагло лез жестокий и алчный враг.

Партизаны прошли уже свыше 100 километров и теперь находились в тылу белофиннов. Карху знал здесь каждый куст, ему знакомы были все тропинки, он помнил когда и для чего были сделаны просеки в лесу, кем были устроены изгороди вокруг полей и пожен.

Партизаны остановились неподалеку от деревня К., расположенной у небольшого озера, на скрещении двух дорог. Что сталось с этой деревней, они не знали, но были твердо убеждены в том, что без внимания враг ее не оставил уже по одному тому, что она является важным стратегическим пунктом.

Надо было узнать, что делается в деревне. В разведку пошли Иван Карху и несколько других, таких же, как и он, отличных знатоков этих мест, подлинных хозяев местности.

Подступы к деревне К. открыты. Разведчики ползли по земле, соблюдая величайшую осторожность, и незамеченными подобрались вплотную к домам. Карху, отодвинув жердь, прополз под изгородью в картофельник и спрятался в буйно разросшейся крапиве у стены одного дома. Он лежал под окном, в котором была выбита рама, и слышал все, что говорили белофинны. Из их разговора разведчик понял, что здесь размещена одна из казарм. В избе топилась печь. Белофинны позванивали котелками. Они что-то варили.

— Как бы не ошпарили сволочи кипятком, — подумал Карху и уже собрался отползти вдоль стены в сторону от окна, как на огороде с корзиной в руке появился белофинн. Был он небольшого роста, костлявый и грязный. Этого замухрышку рослый и сильный Карху мог бы в мгновение ока скрутить в бараний рог и живьем унести в партизанский лагерь.

— Принесу «языка», решил разведчик и приготовился к прыжку, но в это время к изгороди подошли еще два белофинна.

— Крупная ли картошка? — закричал один из них.

Сейчас увидишь, — ответил маннергеймовец, находившийся на огороде.

Он шел, тяжело ступая, стараясь поломать как можно больше ботвы. Карху с отвращением смотрел на этого пакостливого человечишка. В партизане подымалась такая ярость, что он с трудом сдерживал себя. Хотелось наброситься на фашистского вора и задушить его. Но этого нельзя было сделать. Двое белофиннов попрежнему стояли у изгороди. Маннергеймовец присел на корточки в нескольких шагах от разведчика, быстро наполнил корзину картофелем и побрел к выходу.

— Ушел, — думал про себя разведчик. — Досадно. Помешали эти любопытные балбесы. А, впрочем, чорт с ним, одну тварь не удалось захватить, зато все будут наши.

Карху выполз из огорода и направился к бане, которая топилась. Здесь он встретился с разведчиками Степаном и Василием. Товарищи сообщили, что белофинны в бане гонят самогон из зерна, украденного у колхозников. Несколько солдат, видимо, уже изрядно выпили и, болтаясь по улице, нестройно горланили какую то песню. «Завоеватели» забавлялись как могли, как позволяла им их убогая фантазия.

— Разгулялись выродки, — прошептал Василий.

— Последние часы гуляют, — отозвался Степан.

Разведчики добыли исчерпывающие данные. В деревне К. находился довольно крупный гарнизон. Белофинны основательно укрепились здесь. Скотный двор они превратили в ДОТ, на кладбище вырыли окопы. Партизаны разработали подробный план разгрома белофинского гарнизона и рано утром пошли в наступление. На кладбище первым ворвался Иван Карху. Он и два его товарища по разведке — Степан и Василий — оказались отрезанными от остальных партизан огнем пулемета, установленного белофиннами на скотном дворе. Но три смельчака не растерялись. Они бросились в окопы и начали теснить маннергеймовцев, ошеломленных неожиданным нападением. Карху почти лицо в лицо столкнулся с двумя белофиннами и в упор застрелил их. Кладбище было занято партизанами за несколько минут. Другая группа партизан за это время почти вплотную подобралась к скотному двору. Но засевшие там белофинны все еще продолжали яростно сопротивляться. В это время по партизанам, находившимся у скотного двора, со стороны озе-

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА

ра ударил пулемет, а группа неведомо откуда взявшихся шюцкоровцев под прикрытием пулеметного огня двинулась в наступление. Пулемет был где-то неподалеку от Ивана Карху и его товарищей, расположившихся в окопах и ведущих огонь по скотному двору. Не говоря ни слова, Карху вышел из окопа и быстро исчез за могильными буграми. Он подполз к финскому пулеметчику настолько близко, что различал складки его одежды, видел пятна грязи на желтых голенищах сапог. За пулеметом лежал офицер. Карху выстрелил. Белофинн вздрогнул и ткнулся лицом в траву. Пулемет замолчал. Партизан повернул его в сторону врага и открыл огонь. Шюцкоровцы, готовившиеся сковать действия партизан, наступавших на скотный двор, побежали по направлению к мосту через пролив между двумя озерами, но все были перебиты пулеметным огнем.

Один вражеский гарнизон перестал существовать. Несколько уцелевших белофиннов сдались в плен. Среди них был и тот маннергеймовский замухрышка, которого видел вчера на огороде Карху. Шюцкоровцы стояли бледные, трясущиеся от страха и заискивающе смотрели на партизан. Карху подошел к своему старому знакомому и спросил:

— Ну, как, хороша карельская картошка?

Тот, видимо, желая угодить, глупо заулыбался и ответил:

— Хороша.

Партизаны засмеялись:

— Соленая.

— Нет... — начал было белофинн, но Карху перебил его.

— Ты в спешке не разобрался. Картошка у нас действительно соленая и дорогая, очень дорогая.

Войну в тылу врага вести не легко. Боевой путь партизана тернист и опасен. Партизан — отважный, умелый и неутомимый воин. Карху был примерным партизаном. Отряд, в который он пришел одним из первых, уже в начале войны стал полным хозяином ухтинских лесов. Одно упоминание о нем наводило на врага ужас. Народные мстители стирали с лица земли белофинские гарнизоны, подымали на воздух мосты, рвали связь врага, громили колонны машин. Одна боевая операция следовала за другой, и Карху всегда был на линии огня там, где решалась судьба боя.

Партизаны решили уничтожить гарнизон села Л., и чтобы удар был внезапным, пошли к нему со стороны топкого болота, считавшегося непроходимым. В одну из темных ночей поздней осени на болоте появились люди. Впереди всех по пояс в ледяной воде шел

высокий человек с автоматом в правой руке. Это был Иван Карху. Он первым ступил на деревенскую улицу, подкрался к часовому и снял его так быстро и искусно, что даже шедший сзади партизан, человек, видавший виды, был немало удивлен, когда совершенно неожиданно для себя натолкнулся в темноте на труп фашистского часового.

Карху первым ворвался в штаб гарнизона. Белофинский офицер выстрелил в него из револьвера, но промахнулся. Партизан сразил шюцкоровца очередью из автомата. Вслед за Карху с гранатами в руках вбежали в штаб два его товарища. Их поразила следующая картина: за большим письменным столом, стоящим напротив двери, сидел Иван Карху и, попыхивая своей трубкой, спокойно разбирал бумаги. За окном изредка раздавались одиночные выстрелы — скоротечный ночной бой кончался. Вбежавшие в штаб партизаны были люди не из робкого десятка, много раз сталкивались они с врагом лицом к лицу, в горячих схватках обрели нерушимое спокойствие воинов. Но даже эти боевики были поражены хладнокровием Карху.

— Ведь вместо нас сюда могли войти белофинны, — сказал один из партизан.

— А это на что? — Карху указал на автомат и на взятый у мертвого офицера револь-

вер, лежащие на столе. — Уж я как-нибудь сумел бы защититься. Вот собираю бумаги. Надо все забрать. Это нам пригодится.

Уничтожив гарнизон, партизаны ушли в лес и лагерем расположились на ночной отдых, а Иван Карху с пятью бойцами отправился на выполнение нового боевого задания. Надо было с рассветом заминировать дорогу. Как всегда, Карху точно выполнил задание — дорога была во-время заминирована. Вскоре после ухода партизан на их минах начали подрываться белофинны, спешно перебрасываемые финским командованием в село Л., гарнизон которого только что пал под ударами неожиданно появившегося в этих местах сильного партизанского отряда. На обратном пути группа Ивана Карху взорвала мост. Это было сделано сверх задания. Карху любил повторять золотое правило о необходимости пользоваться в борьбе с врагом буквально каждым удобным случаем. Когда раздались взрывы на дороге, партизаны находились неподалеку от моста, перекинутого через неширокую, но многоводную и бурную реку. Представлялся удачный случай нанести и без того растерявшемуся врагу новый удар, и Карху, конечно, решил воспользоваться этим случаем.

Слипались глаза, руки и ноги отяжелели

и с трудом передвигались. Но партизаны — такие люди, которые в силах побороть усталость. Недавние минеры превратились в подрывников и, приготовив все необходимое, направились к мосту. Карху сам заложил взрывчатку, сам поджег шнур и отбежал в сторону с таким расчетом, чтобы собственными глазами увидеть плоды своего боевого труда. От мощного взрыва, казалось, содрогнулась земля. Столб воды поднялся выше прибрежного леса. В воздухе закувыркались обломки досок, брусьев, бревен. Там, где был мост, теперь торчали из воды лишь два каким-то чудом уцелевших столба.

— Работу можно признать в основном чистой, —сказал Карху своим товарищам. — Теперь можно и на отдых.

Он был доволен только что проведенной операцией. Загорелое, добродушное лицо его озаряла улыбка. Боевым друзьям Карху эта улыбка была хорошо знакома. Они видели ее после каждой удачи. А удач было много. Удачи сопутствовали Ивану Карху во всех ратных делах. И это потому, что в груди его билось горячее мужественное сердце патриота, а руки были золотые. Он все делал легко и хорошо. Был мастером по оружию, искусным минером, отличным подрывником, устроителем самых верных засад.

Иван Карху не знал устали, не ведал страха в бою, был неудержимым в своей ярости к фашистам-захватчикам. Подлинный красный партизан — гроза врагов. За бесстрашную борьбу в тылу немецко-белофинских оккупантов Советское правительство наградило славного ладвозерского карела Ивана Матвеевича Карху вторым орденом Красного Знамени.

Самым близким другом Ивана Карху в отряде был Петр Т. Этот светловолосый и спокойный русский парень ни в чем не отставал от Карху. И вот возникла трогательная задушевная дружба двух отважных воинов. Они всегда были вместе — и в бою, и в походе, и на отдыхе. Курили из одного кисета, ели из одного котла. На привалах в два голоса пели песни — Петр заливистым тенором, Карху приятным баском.

Однажды отряд напал на крупный гарнизон белофиннов. Завязался жестокий одиннадцатичасовой бой. Шюцкоровцы яростно сопротивлялись. Они обрушили на партизан шквал огня из станковых пулеметов, минометов, автоматов, винтовок. Но народные мстители продолжали теснить врага. Петр Т. выдвинулся вперед. Он подобрался к одной из огневых точек врага. Когда до нее оставалось всего несколько метров, из сугроба

высунулся белофинский автоматчик и дал длинную очередь. Раненый Т. схватился за левое плечо. На снегу заалело пятно крови. Карху бросился на помощь товарищу. Он застрелил белофинна, приготовившегося к броску гранаты, но и сам был тяжело ранен в грудь финским снайпером. Иван Карху умер на руках своих боевых друзей со словами:

— Прощайте, товарищи, держитесь до победы.

Когда бой утих, партизаны саперными лопатками и штыками вырыли в мерзлой земле могилу и похоронили мужественного воина в красивом сосновом бору. Они поклялись жестоко отомстить врагу за смерть героя и клятву эту выполняют со славой.

Отряд, в рядах которого боролся Иван Карху, действует. В боях с этим грозным отрядом полегли костьми сотни немецко-белофинских мерзавцев. Только в одном из летних походов 1943 года отряд истребил 110 белофиннов, Ученики Карху стали выдающимися мастерами партизанской войны. Василий К. в одном бою уничтожил 8 фашистов, а всего за время войны от его верной руки пало 70 оккупантов.

Добрая слава идет о Павле П. Однажды, когда отряд вел уличный бой с белофинским

гарнизоном, этот смелый партизан ворвался в дом, где засело несколько белофиннов. Один из них бросил гранату. Павел П. не растерялся: он схватил упавшую к ногам гранату и швырнул ее обратно. Два шюцкоровца были убиты.

Так же умело и мужественно дерутся с врагом другие ученики Карху. Они высоко несут боевое знамя партизанской войны.

Живет память о неустрашимом карело-финском партизане, доблестном сыне земли Калевалы. Живет и будет жить долго — многие, многие годы.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Редактор Н. Моносов

Подписано к печати 26 сентября 1943 г. Е-2555
печатн. листов 1,12. Учетно-авт. листов 1
Госиздат № 130. Заказ № 158. Тираж 10 000.

Государственная типография Тегозеро.

ОИК - 73914

Товарищи читатели! Издательство просит Вас прислать отзыв о прочитанной книге по адресу:
г. Беломорск, Советская 12,
Госиздат Карело-Финской ССР

Цена 40 коп.